

Ономастические матрицы в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова»

Н.В. Васильева (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья посвящена анализу употребления собственных имен в романе Евгения Водолазкина «Оправдание острова» (2020). Отмечается имплицативное влияние жанра фикциональной хроники на проприальные единицы текста. Распределение типов собственных имен по выполняемым ими функциям, а также способы их интродукции в текст позволяют говорить о своеобразном матричном строении ономастического поля романа.

Ключевые слова

Литературная ономастика, ономастические матрицы, ономастические имплицатуры текста, интродукция имени, Евгений Водолазкин.

Новый роман Евгения Водолазкина, автора «Лавра» (2012) и «Авиатора» (2016), построен как историческая хроника некоего Острова, которая разворачивается от раннего Средневековья до наших дней. В облике Острова проступают черты древней Руси, Византии, средневековых европейских государств. В одном из интервью, на вопрос о том, какая же «национальность» у народа, населяющего его Остров, писатель ответил так: «Это народ, который соединяет немножко византийцев, немножко русских, немножко французов, немцев, американцев. Есть там отсылки к “Повести временных лет”. Есть византийские сюжеты, которые я взял из “Хроники” Георгия Амартола, из “Истории франков” Григория Турского и так далее. Есть и полностью придуманные сюжеты — это тоже извлеченные из сумерек сознания какие-то прочитанные или услышанные мною вещи» [Интервью с Евгением Водолазкин]. Нарративное устройство романа отличается многоплановостью и полифонией. Основная линия повествования ведется голосом хронистов — православных монахов из единственного на Острове Монастыря, которые пишут *Ис-*

торию *Острова*, сменяя друг друга. В хроникальный текст включаются графически выделенные тексты комментариев, принадлежащих голосам Парфения и Ксении, княжеской четы, ранее правившей Островом: они долгожители, в настоящее время им по 347 лет. Как отмечает Галина Юзефович, «от переключения между этими разными взглядами — или, вернее, от их одновременности — по-настоящему захватывает дух» [Юзефович 2020]. Есть в романе и третья сюжетная линия: во Франции известный режиссер снимает художественный фильм о жизни Парфения и Ксении, консультантами которого они же и являются. Долгая жизнь Парфения и Ксении — необходимая нарративная скрепа, поскольку над всем повествованием об Острове и его долгой истории висит древнее пророчество, текст которого был утерян в древности и обнаружился лишь в наши дни, и у этих персонажей есть в нем своя роль. Остров в романе предстает местом, где органично соединяются «прошлое, настоящее и вечное» [Князев 2020], и время как таковое может претендовать на звание «безусловного протагониста» [Юзефович 2020].

В создании панхронической (ахронической?) перспективы¹ участвуют и собственные имена (далее — СИ), выполняющие различные функции. Следует отметить, что на ономастический мир предыдущих текстов Е. Водолазкина уже обращалось внимание исследователей. Особенно привлекателен в этом отношении роман «Лавр», онимы которого анализировались с точки зрения стилистики и текстообразования [Бунчук, Дуркин 2018], а также переводоведения [Разумовская 2018]. Однако интересно, что в большом международном издании «Знаковые имена современной русской литературы», задуманном и успешно осуществляемом польскими учеными, в томе, посвященном Евгению Водолазкину [Знаковые имена... 2019], не обнаруживается статей на тему ономастики². С одной стороны, можно связать такое положение дел с преимущественно литературоведческой специализацией авторов этого тома, а ономастика, как известно, больше привлекает языковедов. С другой стороны, нельзя не признать, что писатели всегда различались

---

¹ О том, что и после «Лавра» писатель продолжает следовать «установке на нарративное преодоление времени», пишет В.И. Тюпа [Тюпа 2020, 35].

² Небольшой экскурс о СИ в аспекте перевода есть в статье [Разумовская 2019, 483—484].

в их отношении к проприальному коду как инструменту работы с фикциональностью: на одном полюсе оказывались авторы, у которых имена в тексте выглядят как яркие наклейки, на другом — приверженцы безымянности или ономастического минимализма. Водолазкин в этом отношении можно назвать ономастически осторожным писателем, к именам в его текстах нужно присматриваться очень внимательно. Ономастическая составляющая текстов Евгения Водолазкина демонстрирует тесную и одновременно тонкую связь с характерными чертами его поэтики. Одна из этих черт формулируется самим писателем как «попытка упразднить время и пространство» (цит. по: [Липовецкий 2019, 60]). В романе «Оправдание Острова» это можно хорошо наблюдать. Необычному протеканию времени соответствует в фикциональном мире романа особое пространство. Означивание этого пространства начинается с заглавия романа, в котором слово *Остров* написано с заглавной буквы, т.е. *Остров* представлен как имя собственное. Такой способ проприализации (онимизации) несет в себе генерализующий смысл. Номинация, сохраняющая лексические признаки нарицательного имени, получает статус имени собственного, т.е. объект с этими признаками объявляется уникальным. Однако для полной онимизации этому знаку необходимо пройти процедуру индивидуализации: например, «обрасти» особыми индивидуальными признаками коннотативного (ассоциативного) характера, которые закрепят в восприятии адресата проприальный статус номинации, уже заданной как уникальная при помощи графики. В фикциональном мире так обычно происходит по мере продвижения номинации в тексте, когда читательское сознание «впитывает» образ и насыщает его различными, в том числе и личными, смыслами. Один из самых ярких представителей европейской литературной ономастики, Фолькер Кольхайм (см. о нем [Васильева 2019]), подчеркивая объяснительную силу психолингвистического подхода к имени в тексте, использует для такого пока еще «свежего» для адресата СИ термин «перцепт» (Wortperzept). Чтобы в читательском сознании перцепт превратился в концепт, необходима работа памяти, эвоцирующая все возможные — общие и личные — смыслы [Kohlheim 2019, 159]. В данном случае для концептуализации географического объекта

(острова) как уникального необходимы признаки, индивидуализирующие данный объект, в противном случае он остается просто частью суши, со всех сторон окруженной водой. Концептуализируется ли в этом смысле Остров в романе? Если мы обратимся к топографии Острова и окружающего его пространства, то обнаружим, что она представлена по такому же принципу генерализующей проприализации: *Город, Побережье, Море, Река, Лес*. Таким же образом представлена и совсем дальняя периферия: *Континент, Большая Земля* и др., и внутригородская топонимика: *Главная Площадь, Городские Ворота, Монастырь*. Монастырь, однако, имеет вариант названия: *Спасо-Островной монастырь*, и здесь мы наблюдаем своеобразную номинативную ловушку: имитацию/адаптацию реальной модели номинации русских экклезионимов (о термине см. [Подольская 1988, 149]), а именно: названия Спасских монастырей, т.е. основанных в честь Спаса Нерукотворного, Преображения или Входа Господня в Иерусалим, ср. *Спасо-Преображенский монастырь, Спасо-Ильинский монастырь, Спасо-Евфросиниевский монастырь* и др., см. [Спасские монастыри]. Второй компонент в названии монастыря мог указывать на имя святого, связанного с этим монастырем (ср. *Спасо-Андроников монастырь* — по имени преподобного Андроника Московского, первого игумена монастыря, ученика Сергия Радонежского). Также второй компонент в названии мог указывать на местоположение монастыря (ср. *Спасо-Бородинский монастырь* — женский монастырь, расположенный на Бородинском поле). В романе название *Спасо-Островной монастырь* лишь очень условно выделяется из ряда островных названий, представляющих собой онимизированные апеллятивы, поскольку ориентирующий топоним в его составе — все тот же онимизированный Остров. Происходит ли в итоге концептуализация «перцепта» Остров в читательском сознании? Я думаю, что Остров в романе все-таки концептуализируется, но особым образом — как Фон, для того чтобы на нем выступили Фигуры — персонажи. «Упразднение» пространства в этом романе происходит в том числе и за счет деконструкции импликации «пространство → именование его объектов»: формально именование состоялось, части пространства получили свои имена, но это — квазиимена: все эти апеллятивы

с заглавной буквы — *Город, Крепость, Река* и т.п. — ономастически не покрывают пространства. И пространство, оставаясь неназванным, в итоге «упраздняется». И тогда на этом, по сути, белом фоне встают в полный рост фигуры — персонажи, которые носят имена.

В настоящей статье мы сосредоточимся на функционировании антропонимов в тексте, поэтому не будем специально анализировать имена как список, отражающий национальную специфику и социальную принадлежность именуемых персонажей, а также высказывать предположения, относящиеся к выбору автором имен. Хотя здесь нельзя не упомянуть очень тонкое применение писателем приема иллюзионирования, или создания иллюзии реальности (нем. *Illusionierung*, см. [Lamping 1983, 29—39]), когда в нарративном пространстве соплагаются имена реальных и фикциональных персонажей (у Володзинкина это скорее образы имен) и тем самым возможный мир текста приобретает иллюзию реального мира. Так, в «Оправдании Острова» из имен шести островных епископов (*Феофан, Афанасий, Филарет, Феопемпт, Евсевий и Кирилл*) имена *Феофан, Афанасий, Евсевий, Кирилл* присутствуют в списке Константинопольских епископов и патриархов (см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_патриархов_Константинопольских).

Функционирование антропонимов в тексте будет далее рассмотрено с использованием понятия *ономастической матрицы*. Понимание матрицы представителями гуманитарного знания тяготеет к образности или общей схематичности, что оправдывает выбор этого термина для обозначения инструмента исследования или общей его схемы. Так, представление матрицы как комплекса признаков/контекстов, одновременно ассоциированных с какой-либо сущностью³, позволяет нам определить ономастическую матрицу мира данного текста как комплекс разноформатных признаков, которыми характеризуются имена и которые (признаки) коррелируют друг с другом. Очень внимательный исследователь ономастики художественного текста, Н.И. Зубов, в одной из работ которого мне встретилось выражение *ономастическая матрица*, употребляет его метафорически. Опи-

---

³ Ср. представление о когнитивной матрице как «системе взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта» в [Болдырев, Алпатов 2008, 5].

сывая ономастическую парадигматику текста, формирующуюся в том числе и с помощью ассоциативных значений фамилий персонажей, он пишет: «... через эти ассоциативные значения фамилии персонажей вступают в парадигматические связи в образной системе рассказа и образуют его своеобразную ономастическую матрицу» [Зубов 2007, 49]. Предлагаемая анкета, которая описывает имя в тексте (точнее, связку «антропоним↔персонаж»), проста и выглядит следующим образом: 1) название имени, 2) этимология имени, 3) статус персонажа, носящего имя, 4) способ интродукции имени в текст, 5) наличие у антропонима «апеллятивного конвоя», т.е. сопровождающих его квалификативов в виде нарицательных имен, 6) участие/неучастие антропонима в онимическом трансфере, т.е. переходе в другой разряд СИ. Перечисленный список для мира данного текста является достаточным (для других текстов он, возможно, будет иным), и его матричные свойства позволяют ему служить ономастическим инструментом (сеткой) для выявления явных и неявных корреляций в персонажном мире. В рамках данной статьи мы пока остановимся на первых двух пунктах из списка признаков. Первый признак — название имени. В романе практически нет неназванных персонажей. Даже если персонаж упоминается только один раз, он упоминается в связке с именем, например, кузнец *Аганит* (с. 24)⁴. Два раза в четырех строках упоминается крестьянин *Елевферий*, история которого этими четырьмя строками и исчерпывается: «Далее шли полем, засаженным долгожданными злаками, и там их также никто не встретил, кроме одного только престарелого крестьянина Елевферия, который сказал: Зачем топчете посеянное? Сравнил бы вас, наверное, с саранчой, но боюсь лютыя смерти. Некие же воины хотели Елевферия убить, но его закрыл собой епископ Афанасий, поехавший с войском для умягчения сердца» (с. 45—46). В двух абзацах фигурирует посланник *Анисим* и потом исчезает. Аналогично ведет себя в тексте воевода *Орест*. Дольше — в четырех абзацах — длится текстовая жизнь генерала *Поликарпа* (с. 249—250). Такое упоминание имени вместе с апеллятивом, указывающим на статус персонажа, даже при однократном его появлении — пря-

---

⁴ Ссылки на страницы даются по изданию [Водолазкин 2021].

мое следствие хроникального стиля, избранного автором как нарративный прием и переложенного в уста нарраторов-хронистов. Хронист ведет повествование медленно, задача хроники — фиксировать события, одно за другим, в их развертывании на оси летописного времени. Упоминание имени персонажа позволяет поставить границу событию и перейти к следующему. Фактически персонажи с короткой текстовой жизнью носят имя как знак принадлежности к Островному миру. Безымянны на Острове «чужие». Так, в истории про говорящего пса фигурирует чужой кузнец без имени: «В лето пятое Михаилова княжения на Остров приплыл некий кузнец с говорящим псом, который был слеп. Кузнец тот брал у людей золотые перстни и ожерелья, зарывал их в землю, а затем приказывал псу отыскивать. И откапывал пес драгоценность за драгоценностью, и, взяв зубами, возвращал владельцам, и говорил о каждом: кто милостив и благ, а кто, напротив, блудник и прелюбодей» (с. 61).

Обратимся к следующему признаку — этимологии антропонима, т.е. установлению того нарицательного имени, на основе которого возникло СИ. Этимологическое значение обнаруживается у большинства СИ как единиц языка. Однако это значение не обязательно актуализируется в фикциональном мире текста. Распространенную в некоторых литературоведческих трудах практику трактовать образы героев непременно через призму этимологического значения их имен, взятого из словарей, мы считаем не всегда оправданной, особенно если речь идет об удаленных во времени произведениях. Поэтическую власть этимологии имени над текстом интересно наблюдать в самом тексте, обнаруживая ее текстовые следы в разных нарративных инстанциях, в репликах и намеках участников повествования. В романе встречается как эксплицитный, так и имплицитный способ представления этимологического значения имени, и здесь важную роль играет тип (микро)текста, интенция текста и повествовательная инстанция. Эксплицитно этимология имени представлена в пророчестве, ср.:

«И Агафон сказал:

У тебя, князь, будет сын именем Парфений, что значит *девственник*. У князя же Андроника родится дочь Ксения, то есть *чужая*, что можно понимать как *чужая миру*. И соединятся в браке, и с их соединением на Острове утихнет междоусобица» (с. 61).

Для этих персонажей, одновременно протагонистов и комментирующих нарраторов, этимология имен выполняет функцию характеристики, подчеркивающую их обособленность и особенность, а также проспективную/проективную функцию для развертывания повествования. Эти персонажи ономастически самодостаточны, они не нуждаются в добавлении к своим именам еще каких-нибудь онимических компонентов. В отличие от княжеской четы Парфения и Ксении, характерные черты пророка Агафона и хрониста Прокопия раскрываются не в личных именах, а в прозвищах: Агафон *Впередсмотрящий* и Прокопий *Гугнивый*. Прозрачный смысл прозвища Агафона участвует в констеллировании персонажей *Агафон — Ксения*: «Многое мне в Агафоне созвучно. Изредка я угадываю кое-что из будущего, но об этом не говорю. Не потому, что скрываю, — просто не могу выразить. Ни в коем случае себя с Агафоном не сравниваю: он *предвидел*, а я *предчувствую*. Это не поддается слову» (с. 64).

С точки зрения представления в тексте этимологии имени и связанных с этим функций выделяется персонаж по имени *Гликерия*, супруга князя Юстина. Этот персонаж присутствует в двух текстах от лица одного нарратора — хрониста Прокопия. Первый текст представляет собой обычный фрагмент хроники, исполненный в соответствующем летописном стиле. Второй текст следует за первым, носит название *Истинная история князя Юстина, написанная Прокопием Гугнивым*, и является другой версией изложения тех же событий, при этом полностью вне хроникального стиля. Интродукция имени и персонажа происходит в первом тексте, при этом *Гликерия* снабжается такими детерминативами, как *сосуд целомудрия, светоч целомудрия и чистоты, благомыслящая, благорассудная*. Значение имени в этом фрагменте текста не раскрывается. Пророческой силой в изложенной истории обладает не этимология имени, а один из детерминативов, а именно: *светоч*, ср.: «В лето тридцатое правления Юстина случилось великое несчастье:

сентябрьской ночью запылал княжеский Дворец. Его долго тушили, а когда наконец это удалось, то в княжеской спальне обнаружили два обугленных тела. Это были тела Юстина и Гликерии. Так сгорели два светоча благочестия, и спальня стала им усыпальницей» (с. 80).

Этимологическое значение имени *Гликерия* (греч. Γλοκέρια ‘сладкая’) раскрывается в *Истинной истории князя Юстина*, также написанной Прокопием Гугнивым, но в качестве тайной рукописи. В ней Гликерия получает совсем другие характеристики: «Гликерия. Редкостная шлюха, и это лучшее, что о ней можно сказать, потому что в некотором смысле Гликерия даже хуже своего мужа» (с. 85). И далее следует раскрытие этимологии имени: «Гликерия значит сладкая... Сладость ее пробовали с четырнадцати лет и, замечу, очень многие, ибо не было в истории Острова второй такой б... Можно думать, что выражения мои недопустимо сильны, но это не так. Как бы я ни выразился, будет, уверен, слишком мягко» (ibid.). Получается, что «этимологическая Гликерия» оказалась нужной только для второго текста, закрепившего в образе эвоцируемые этимологическим значением коннотации. Для Гликерии первого текста, «светоча целомудрия и чистоты», экспликации значения имени осталась бы без текстовой поддержки. Этот пример демонстрирует когерентность смыслов — общего нарративного и того, который привносится в текст этимологическим значением имени.

Имплицитно представленная этимология имени являет собой определенную рецептивную трудность, для разрешения которой (и для получения эстетического удовольствия) необходима когнитивная активность читателя. Механизмом понимания текстовой ситуации служит инферентный вывод, который основывается на языковой компетенции читателя, его вовлеченности в фикциональный мир данного текста, а также на общих энциклопедических и интертекстуальных знаниях. Обратимся к двум примерам.

«В лето двадцать восьмое Великой Островной Революции жена Власа Глафира родила ему дочь. В воспоминание о детстве, проведенном Председателем на пасеке, девицу нарекли Мелиссой» (с. 265). Имя *Мелисса* (греч. μέλισσα ‘пчела’) возникает как оно-

мастическая импликатура, как следствие темы пчел, связанной в этой главе книги с Вла- сом, Председателем Острова. Текст главы отмечен большим количеством слов, относя- щихся к лексико-семантическому полю пчеловодства, включая такие профессионализмы, как *трутневый расплод*, *подмор* и *забрус*. Имплицидно присутствующая в данном фраг- менте текста *пчела* выводит читателя на значение имени *Мелисса* (в скобках остается зна- комство с греческим языком).

Если в главе о Правителе Острова Влаसे нарратором является хронист (есть еще вставки голосов Парфения и Ксении, но они ведут другую тему), то еще один пример с имплицитной подачей этимологии имени принадлежит Ксении, когда она рассуждает о печальной участи министра Атанаса, велевшего уничтожить 94 листа рукописи *Истории Острова*: «Та ужасная смерть, которая постигла Атанаса, не является ли наказанием за сожжение истории? За пренебрежение к прожитому времени, которое, да, не вечность, но тоже ведь для чего-то дается? Не говоря уже о том, что в Атанасовом случае это смерть бессмертного. Между тем, с подобным именем у него были шансы жить если не вечно, то по крайней мере долго» (с. 149). *Атанас* — болгарский вариант греч. имени Ἀθανάσιος ‘бессмертный’, и эта не очень привычная форма имени помогает разбудить когнитивную активность читателя. Чтобы вычленить θάνατος ‘смерть’, ‘Танатос’ в более привычном для русского глаза и уха варианте *Афанасий*, требуется, на наш взгляд, более длинная цепочка инферентных выводов из-за установления необходимых графических корреля- ций (*φ* — *фита* — *θ* — *т*). В этом примере подсказкой для расшифровки имплицитно представленного значения имени *Атанас* является метатекстовое замечание «с подобным именем». Оно заставляет читателя вернуться назад и попытаться прочесть в имени выра- женный в тексте смысл. Ономастическая импликатура в данном случае выглядит следу- ющим образом: экспликация рефлексии над именем → расшифровка значения имени.

Подводя итог нашим наблюдениям над собственными именами в романе «Оправ- дание Острова», отметим следующее. Матричность структуры ономастикона романа обу- словлена выбранным писателем жанром фикциональной хроники с ее особым течением

времени. Для двух базовых разрядов СИ — топонимов и антропонимов — в романе представлено совершенно разное ономастическое решение. «Ономастическая дематериализация» топонимов, последовательно осуществленная автором в романе, превратила пространство в фон для фигур — персонажей, снабженных антропонимами. Несмотря на почти полное отсутствие в романе неназванных персонажей, у читателя не возникает впечатления неймдроппинга, т.е. «забрасывания именами»⁵. Причина видится в том, что ономастическую интродуктивную стратегию Е. Водолазкин подчиняет летописной нарративной логике, позволяющей вводить персонаж с именем, а затем, не развивая далее линию этого персонажа, переходить к следующему. Но даже короткая жизнь некоторых антропонимов в тексте романа позволяет актуализироваться сразу несколькими характеристикам/признакам имени (этимология, апеллятивный конвой и др.), корреляции которых формируют матричную сетку и все вместе создают неповторимый ономастический образ романа.

Литература

Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. 2008. С. 5—14.

Бунчук Т. Н., Дуркин А. И. Стилистические функции имен персонажей в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Огарев—online. №5. 2018 // <http://journal.mrsu.ru/arts/stilisticheskie-funkcii-imen-personazhej-v-romane-e-vodolazkina-lavr>.

Васильева Н.В. Неймдроппинг как дискурсивное поведение и как поэтический прием // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 19—20 ноября 2015 г.) / отв. ред. Ю.А. Зубок. Воронеж: ООО «ПТ», 2015. С. 322—330.

Васильева Н.В. Литературная ономастика: традиционное и новое ([Рец. на кн.]: Kohlheim, V. Der Name in der Literatur / Unter Mitarbeit von R. Kohlheim. Heidelberg: Winter, 2019) // Вопросы ономастики, № 4. 2019. С. 237—247.

---

⁵ О неймдроппинге, в том числе и в художественном тексте, см. [Васильева 2015].

Водолазкин Е. *Оправдание Острова: роман*. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021.

Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин / Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Jewgienij Wodołazkin / Коллективная монография под ред. Анны Скотницкой и Януша Свежего. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019.

Зубов Н.И. Два примера ономастической парадигматики художественного произведения // *Материалы по русско-славянскому языкознанию*. Воронеж: ВГУ, 2007. С. 348—352.

Интервью с Евгением Водолазкиным // <https://meduza.io/feature/2020/12/15/izmenilos-oschuschenie-boga-i-vremeni>.

Князев С. Утопия, или Чудо о святых во власти. О чем новая книга Евгения Водолазкина // <https://www.fontanka.ru/2020/11/28/69583618>.

Липовецкий М. Анахронизмы в *Лавре* Евгения Водолазкина, или Насколько серьезна «новая серьезность» // *Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин / Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Jewgienij Wodołazkin / Коллективная монография под ред. Анны Скотницкой и Януша Свежего*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. С. 49—66.

Подольская Н.В. *Словарь русской ономастической терминологии*. Изд. 2. М.: Наука, 1988.

Разумовская В.А. Ономастический код романа «Лавр»: переводческий аспект // *Индустрия перевода*. Т. 1. 2018. С. 333—339.

Разумовская В.А. Русская культурная память в романе Евгения Водолазкина *Лавр: переводческая перспектива* // *Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин / Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Jewgienij Wodołazkin / Коллективная монография под ред. Анны Скотницкой и Януша Свежего*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. С. 475—485.

Спасские монастыри // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона // https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/96452/Спасские.

Тюпа В.И. Автор и нарратор в истории русской литературы // Критика и семиотика, № 1. 2020. С. 22—39.

Юзефович Г. «Оправдание Острова» — новый роман Евгения Водолазкина // <https://meduza.io/feature/2020/11/28/opravdanie-ostrova-vyhodit-novyuy-roman-evgeniya-vodolazkina>.

Kohlheim, V. Der Name in der Literatur / Unter Mitarbeit von R. Kohlheim. Heidelberg: Winter, 2019.

Lamping D. Der Name in der Erzählung. Bonn: Bouvier, 1983.

**Onymic matrices in Yevgeny Vodolazkin's novel *Opravdanie Ostrova*
(‘Apologia of the Island’)**

N.V. Vasilyeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The paper analyses structures of proper names in Yevgeny Vodolazkin's latest novel *Opravdanie Ostrova* (‘Apologia of the Island’, 2020). The implicative influence of the genre of fictional chronicle on nomina propria in the text is noted. The distribution of proper names types according to the functions they perform, as well as the ways how proper names are introduced in the text, highlight some kind of a matrix structure of the novel onomasticon.

Keywords: Literary Onomastics, onymic matrices, onymic implicatures of the text, introduction of proper names, Yevgeny Vodolazkin.